

А.40

6647

О Г И З
 Государственное издательство
 художественной литературы
 МОСКВА 1944

К

Удольщик А Н Трояновская

Акын-патриот

На рассвете июльского дня Джамбул покинул свою просторную белую юрту. Ему оседлали красавца-иноходца Ак-Таяка, великодушного ажал-текинца. Как юный джигит, забыв про время лет, помчался он по крутой горной тропе, пробираясь через реки и ущелья. Он спешил в свой аул, в урочище Май-Тюбе.

У дома в трепетном молчании перед радиорепродуктором застыл его сыновья, племянники, соседи.

Они слушали историческое обращение товарища Сталина.

Джамбул стоял, взволнованный, потрясённый, вслушиваясь в каждое слово.

Слова Сталина проникали в самое сердце.

Той же ночью родилась песня «В час, когда зовёт Сталина» — первая военная песня Джамбула, которой открывается этот небольшой сборник.

Радио разнесло эту песнь Джамбула по всей стране, и её слушали моряки Краснознамённой Балтики и нефтяники Баку, молчаливые якуты и ошалённые солнцем туркмены, полярники Арктики и доменщики Урала. Её слушали на фронте и в тылу.

Голосом столетнего казахского акына говорила родина-мать. Она звала в бой с врагом, благословляла на подвиг.

Велика сила и действенность песен Джамбула.

Со всех концов Советского Союза идут письма к Джамбулу. Особенно много пишут с фронта.

«Сквозь грохот орудий, разрывы снарядов, мин и бомб доносятся до нас звуки твоей вдохновенной домбры», — пишут Джамбулу бойцы и офицеры одной части.

«Когда герои твоего народа шли в бой, они вспоминали твои слова:

У героев в обычае нет
С поля боя идти без побед!

Эти слова, как маяк, освещают путь героев. Они вдохновляли и вдохновляют твоих сынов на подвиги во имя родины», — писали акыну бойцы другой части.

Каждая песня Джамбула имеет свою историю, яркую и красивую, и только недостаток места не позволяет нам подробно остановиться на этом.

Вот песня, посвящённая Москве. Джамбул сложил её глухой октябрьской ночью, когда до него дошла тревожная весть—Москва в опасности.

Пламенными стихами, полными глубочайшей веры в нашу мощь и несокрушимость, Джамбул призывал москвичей дать сокрушительный отпор врагу.

С трепетным волнением он слушал рассказы о подвиге двадцати восьми героев, вступивших в единоборство со стальной армией немецких танков, победивших врага и не пропустивших его к столице, — о подвигах Восьмой гвардейской дивизии имени генерала майора Панфилова. И вот песня о советских гвардейцах. Гордостью дышат её строки, им, советским гвардейцам, русским, казакам, грузинам, украинцам и сынам всех народов Советского Союза, — шлёт акын слово приветов и призыва к новым подвигам.

Особое внимание Джамбула привлекает героическая оборона Ленинграда. Кто же знает его знаменитой песни «Ленинградцы, дети мои!» Эта песня возникла в сентябрьские дни 1941 года, когда хлестал осенний дождь и на улицах города рвались снаряды. Пламенные слова этой песни, слова любви и гнева, приносили защитникам города Ленинграда новые силы, бодрость, подъём.

Джамбул пел о фронте и о тыле, он пел обо всём народе, потому что весь народ, все советские люди куют победу над полчищами немецко-гитлеровских грабителей.

Нависла угроза над Сталинградом, и появляются песни о волжской цитадели. Эта героическая эпопея тем более близка Джамбулу, что в числе защитников прославленного города был его сын Алгадай.

Отец дал сыну боевой наказ: стоять до конца. И сын не обманул надежды отца. Он показал себя достойным сыном казахского народа. Его отвага и мужество не раз были отмечены в приказах командования. Он смотрел в лицо славе, и она улыбалась ему.

Красноармейская газета «Сталинский воин» рассказала об одном из подвигов Алгадая.

Вместе с Екбатором Даманбаевым, племянником Джамбула, Алгадай получил приказ удерживать рубеж в селе Н. С чердака одного дома огнём своих пулемётов они метко разили немецких солдат. Фрицы не смогли подойти близко к важному рубежу. Командование вынесло благодарность отважным пулемётчикам.

Но настал день, когда остановилось горячее сердце Алгадая. Он пал на бранном поле, как воин и муж, не выпуская оружия из рук.

Мы получили адресованное Джамбулу письмо командования Седьмой гвардейской краснознамённой кавалерийской дивизии, в котором сообщалось о героической смерти Алгадая.

В бою под городом Синельниково Алгадай с тремя товарищами вступил в единоборство с немецкими танками и автоматчиками. Фашистские мерзавцы большими силами навалились на них, стремясь во что бы то ни стало овладеть их позицией. Завязался тяжёлый бой. Несмотря на большое превосходство вражеских сил, горсточка советских храбрецов мужественно отстаивала свой участок.

«Ваш сын беспощадно уничтожал врагов своим пулемётом,—говорилось в письме.— Двое из его товарищей были убиты, а сам он ранен в голову, но он и после этого продолжал разить гитлеровских извергов. Восемьдесят фашистских палачей нашли свою позорную могилу под пулемётом Алгадая Джамбулова.

Осколки немецкого снаряда оборвали его честную жизнь, жизнь верного сына казахского народа, патриота Советской страны.

Сын ваш исполнил свой священный долг перед родиной. До последнего вздоха он бился с врагом как подлинный гвардеец-герой и отдал свою жизнь за честь и свободу нашего великого народа.

За проявленный героизм, мужество и стойкость Алгадай представлен к ордену «Красное Знамя».

В нашей памяти Джамбулов Алгадай навсегда остаётся как пламенный патриот, как доблестный воин, замечательный сын казахского народа.

Вместе с вами скорбим о тяжёлой утрате, но и гордимся его героическим поступком.

Пусть же его героизм и глубокое чувство воинского долга будут утешением в вашем тяжком горе».

Тяжело было читать эти строки. И долго мы колебались, не зная, как сообщить печальную весть нашему старцу.

...В этом году, впервые за много лет, Джамбул не выехал в горы, на джайлау. Он хотел остаться дома, чтобы иметь возможность скорее слышать фронтовые новости и быстрее откликаться на события дня.

И вот однажды, когда он сидел в круту своей большой семьи, ему сообщили, что к нему в гости едут руководители партии и правительства Казахстана. Они не раз бывали у него, и потому это известие несколько не удивило Джамбула.

Старый акын встретил гостей на крыльце, одетый в праздничный шелковый халат и расшитую тюбетейку.

Обычные приветствия. Поглаживая бороду, Джамбул спросил, какие радостные вести принесли гости.

Приехавшие переглянулись, и лица их стали строги и серьёзны. Они не улыбнулись, как обычно, но и не сказали ему то, что собирался сообщить.

Джамбул пригласил их войти в дом и усадил за стол. Подали ужин. Угощая гостей, Джамбул снял со стены домбру и запел. Он пел о героизме советских людей, о подвигах сынов своего народа, прославившихся своим мужеством, о героической смерти некоторых из них.

И тогда т. Казакпаев, председатель президиума Верховного Совета Казахстана, обратился к Джамбулу с вопросом:

— А что если бы ваш сын являлся одним из таких героев, о которых вы сейчас пели?

Старик отложил в сторону домбру, вынул из бокового кармана пиджака бумажник и достал оттуда вырезку из газеты. В ней сообщалось о подвигах Алгадая и Бекбатора. Джамбул бережно расправил её и, положив на стол, сказал:

— Разве же это не героизм?

Казакпаев, помедля, продолжал:

— А если бы ваш сын геройски погиб, как иные наши герои?

Воцарилось молчание, и тогда Казакпаев прочёл вслух траурное сообщение командования дивизии.

Он читал негромко, и в комнате стояла такая тишина, что было слышно, как мухи бьются о стекло.

Джамбул долго не отвечал.

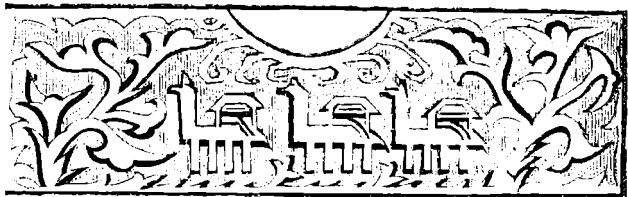
Он пошевелил губами, и из глаз его покатались слёзы.

Но плакал он недолго. Он протянул руку к домбре и дал тот ответ, который люди ждали от него.

Этим ответом была песнь о погибшем сыне — песнь скорби и гнева, песнь отмщения и веры в победу. Песнь, возущая в бой.

Этой песнью мы заключаем сборник военных песен Джамбула.

Сабит Муканов

В час когда, зовет Сталин

Родину Сталин ведёт на врага,
Родина светлая всем дорога,
Кровью батыров добыта она,
Дружбой народов она скреплена —
Непобедимая наша страна.

В юрте спокойной останусь ли я,
Грудью за землю не встану ли я,
Звонких стремян не достану ли я,
Вместе с народом устану ли я
Петь свои песни в труде и в боях?
Эй, сыновья, оседлайте коня,
Вместе со Сталиным песня моя!

Мир молодой нашей радостью стал,
Солнцем народов из бездны он встал.
Ночью на нас через старый дувал
Чёрный шакал ненавистный напал.
В песне народ неспроста говорит:
«Зверь перед смертью от страха дрожит
И на открытое место бежит».
Место закрыто. Шакалу клыки
Выбьют советские наши штыки.

Эй, сыновья, оседлайте коня,
Вместе со Сталиным песня моя!
Вышли в последний, решительный бой —
Мир мракобесов и мир молодой,
Злое отродье фашистской змеи
И молодые орлята мои.
В песне народ неспроста говорит:
«Гада раздавим, орёл воспарит».
Сталин — орёл наш, а стаи орлят
Всюду с победой за ним полетят.
Слушайте, степи родные, меня,
Армии Красной ведите коня,
Лейся, горячий чимкентский свинец,
Смертью для чёрных фашистских свиней, —
Лейся рекою, балхашская медь,
Чтобы снарядам советским греметь.
Каспий широкий, — побольше улов
Родина ждёт от твоих рыбаков.
Хлопок и хлеб и свои табуны
В час грозовой отдадим для страны.
Сталин зовёт нас в труде и в бою
Биться с врагом за отчизну свою.
Край мой любимый, родной Казахстан,
Весь поднимайся на вражеский стан!

Июль, 1941

Песня о стальном нарком

Соколиное войско Сталин повёл,
Зорким оком весь мир объёмлет орёл.
Клич его боевой, как молния, жгуч
Для врага, как свинцовый ливень, тяжёл.

Мы на фронт снарядили богатырей —
Пусть лавиной обрушатся на зверей.
Перед Сталиным дрогнет гнусный фашист,
Будем яростней бить, чтоб добить скорей!

Мощен в сердце казаха священный гнев,
Им наполнен и мой призывный напев.
Всей страной истребим людоедов мы,
Ничего для отчизны не пожалев.

Кровожадный свой клюв к нам ворон суёт,
Но врага остановит орлиный взлёт:
Нас на грозную битву стальной нарком,
Солнце нашей победы, Сталин ведёт!

Июль, 1941

Ленинградцы, дети мои!

Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
Мне в струе степного ручья
Виден отблеск невской струи.
Если вдоль снеговых хребтов
Взором старческим я скользну, —
Вижу своды ваших мостов,
Зорь балтийских голубизну,
Фонарей вечерних рой,
Золочёных крыш остря...
Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!

Не затем я на свете жил,
Чтоб разбойничий чуют смрад;
Не затем вам, братья, служил,
Чтоб забрался ползучий гад
В город сказочный, в город-сад;
Не затем к себе Ленинград
Взор Джамбула приворожил! —
А затем я на свете жил,
Чтобы сброд фашистских громил,
Не успев отпрянуть назад,

Волчьи кости свои сложил
У священных ваших оград.
Вот зачем на север бегут
Казахстанских рельс колеи,
Вот зачем Неву берегут
Ваших набережных края,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

Ваших дедов помнит Джамбул,
Ваших прадедов помнит он:
Их ссылали в его аул,
И кандалный он слышал звон.
Пережив четырёх царей,
Испытал я свирепость их;
Я хотел, чтоб пала скорей
Петербургская крепость их;
Я под рокот моей струны
Воспевал, уже поседев,
Грозный ход балтийской волны,
Где бурлил всенародный гнев.
Это в ваших стройных домах
Проблеск Ленинских слов-лучей
Заиграл впервые впотьмах!
Это ваш, и больше ничей,
Первый натиск его речей
И руки его первый взмах!
Ваших лучших станков дары
Киров к нам привёз неспроста:
Мы родня вам с давней поры,
Ближе брата, ближе сестры
Ленинграду Алма-Ата.
Не случайно Балтийский флот,
Славный мужеством двух веков,
Делегации моряков
В Казахстан ежегодно шлёт.
И недаром своих сынов

С юных лет на выучку мы
Шлём к Неве, к основе основ,
Где, мужая, зреют умы.
Что же слышит Джамбул теперь? —
К вам в стальную ломится дверь,
Словно вечность проголодав,
Обезумевший от потерь
Многоглавый жадный удав...
Сдохнет он у ваших застав!
Без зубов и без чешуи
Будет в корчах шипеть змея,
Будут снова петь соловьи,
Будет вольной наша семья,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

Как владычицу меж владык,
Почитать я землю привык.
Ныне страшный в ней выжжен след,
Причинён ей огромный вред,
Беспощадно её грызёт
Окровавленный людоед, —
Но последний близок расчёт,
И земля — в преддверьи побед.
Вся страна идёт на врага,
Поднимается весь народ,
И не сломит наших свобод
Груз фашистского сапога,
Не коснётся вражья нога
Вас, наследственный наш оплот,
Ленинградские берега!
Вы громили врага и встарь:
Не одна враждебная тварь
Свой могильный нашла покров
У прославленных островов. —
К вам, в разгар гражданской войны,
Подбирался царский холоп, —

Вы его увидали в лоб,
Увидали и со спины.

Ленинград сильней и грозней,
Чем в любой из прежних годов:
Он отпор отразить готов!
Не расколют его камней,
Не растопчут его садов.
К Ленинграду со всех концов
Направляются поезда,
Провожают своих бойцов
Наши сёла и города.
Взор страны грозиво-свинцов,
И готова уже узда
На зарвавшихся подлецов.
Из глубин казахской земли
Реки нефти к вам потекли,
Чёрный уголь, красная медь
И свинец, что в срок и впопад
Песню смерти готов пропеть
Бандам, рвущимся в Ленинград.
Хлеб в тяжёлом, как дробь, зерне
Со свинцом идёт наравне.
Наших лучших коней приплод,
Груды яблок, сладких, как мёд, —
Это всё должно вам помочь
Душегубов откинуть прочь.
Не бывать им в нашем жилье!
Не жиреть на нашем сырье!

Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя,
Слышат пастбища Сыр-Дарьи
Вой взбесившегося зверья.
Если б ныне к земле приник,
Только ухом приник Джамбул —
Обрела бы земля язык,

И дошёл бы сквозь недра гул,
Гул отечественной войны
На просторах родной страны.
Всех к отпору Жданов призвал:
От подъёмных кранов призвал,
От огромных станков призвал,
От учебных столов призвал.
В бой полки Ворошилов ведёт,
Вдоль холмов и долов ведёт,
Невских он новосёлов ведёт,
Невских он сторожилов ведёт.
Беспечален будь, Ленинград:
Скажет Сталин: — В путь! В Ленинград! —
Все пойдут на выручку к вам,
Полководческим вняв словам.
Предстоят большие бои,
Но не будет врагам житья!
Спать не в силах сегодня я...
Пусть подмогой будут, друзья,
Песни вам на рассвете мои,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

Сентябрь, 1941

Москве

Бессмертное сердце страны!
Владычица мыслей, Москва!
Не раз у кремлёвской стены
Склонялась моя голова,
Не раз на пороге весны,
Когда зеленела трава,
По праву певца-старшины
К тебе обращал я, Москва,
И голос хвалебной струны
И полные ласки слова!

Шуршит, опадая, листва,
Снежинки снуют над Кремлём,
Природа ясна и трезва,
А ты, трудовая Москва,
Сражаешься с пьяным зверьём...
Врагу не видать торжества!
Набьёшь ты свинцовым югнём
Живот ему тощий, Москва!
О полная мощи Москва!
Будь с немцами жёстче, Москва!
Дави их и ночью и днём,
Руби их, как рощи, Москва!

Твой враг беспощаден, Москва!
Он злобен и жаден, Москва,
Но сломить ты гадин, Москва,
Твой каждый овраг и подъём
Фашистов схоронит живьём!
Мне птицы стрекочут — «Москва...»
Мне горы грохочут — «Москва...»
Твой подвиг под Млечным путём
Мне звёзды пророчат, Москва!
Ты кладезь сокровищ, Москва!..
Ты краше, чем все божества.
Я замер в горячей мольбе...
Подобно кинжальной резьбе
Да будут чеканны слова.
Всю суть своего существа
Джамбул обращает к тебе,
К тебе, вековая Москва!
Когда низвергает злодей,
Не видя здесь целей своих,
В тревожную тьму площадей
Железо изделий своих, —
Я знаю — ты прячешь детей
На дне подземелий своих,
Где тянутся рельсы путей
Сквозь мрамор ущелий своих.
Когда на бомбёжку с лихвой
Твоя откликается тишь,
Я знаю, что даже глухой
Подвластен призыву «услышь!»
Метнёт ли разведка лучи,
Их в небе скрестив над Москвой,
Я знаю, что даже слепой
Стервятника видит в ночи.
И тот, кто под славой знамён
Кремлёвской стеной осенён,
Кто вечен в прозрачном гробу,
Я знаю — он слышит стрельбу,

Он слышит призывы племён,
Он в нашу вникает судьбу,
Он гневом безмолвным объят,
Он пушечный слышит раскат,
Что с дальнего шлют рубежа,
И тайные вздохи томят
Ту грудь, над которой, дрожа,
Священные стёкла звенят.
Я знаю, что дети Москвы
Дерутся, как гордые львы,
И мстят за кровавый разбой.
Мы внемлем стоустой молве,
Мы знаем, что Сталин в Москве,
Что он неразлучен с Москвой.

Три дюжины лет протекло
С тех пор, как воюя с царём,
Рабочее воинство шло,
С винтовками шло и с дубьём
И царских орлов на бегу
Топтало в московском снегу.
Прошла ещё дюжина лет:
Послышался ленинский клич, —
И свой большевистский Совет
Отстаивать вышел москвич.
И год он сражался, и два,
Голодный, продрогший москвич,
Но вырвал у недруга бич,
И верх одержала Москва.
Здесь Ленин народу служил,
Здесь, после бессонных ночей,
Он сном непробудным почил.
В дни праздников здесь москвичей
Приветствует Сталин родной.
Здесь он пятилеткой тройной
Упрочил порядок земной.
Здесь высек он искры печей.

Здесь он опекал малышей.
Отсюда с огромной страной
Сопряг он величье речей.
Мы знаем, что значит Москва:
Над миром маячит Москва.
А век твой лишь начат, Москва!
В дни грозных осенних боёв
Неужто заплачет Москва?
Неужто разбойничий рёв
Тебя озадачит, Москва?
Всем может простой человек
Тебя обеспечить, Москва!
Тебе ни ненастье, ни снег,
Ни гладь замерзающих рек
Не станут перечить, Москва!
Не даст, не позволит вовек
Себя онемечить Москва!
Друзья! Не во сне — наяву
Разбойники рвутся в Москву.
В опасности наша Москва!
Помочь ей, немедля помочь!
Дай брата, дай сына и дочь,
Родимого дома глава!
Врагов измолоть, истолочь,
Откинуть их скопища прочь,
Пожертвовать всем для Москвы,
Народы, обязаны вы!
В Сибири, в Крыму, на Неве
Страна помогает Москве.
Наш Риддер, Чимкент и Балхаш,
Арал и его острова, -
Бурильщик и угольщик наш
Тебе помогают, Москва.
Полки казахстанских сынов
Участвуют в смертном бою
За тысячи светлых домов,
За душу, столица, твою.

Мне ветер, мне поле — родня.
С пелёнок в седле я живу.
Чуть свет, я сажусь на коня,
Поводья, как юноша, рву,
И мчусь, стремянами звеня,
И всех, узнающих меня,
Москве на подмогу зову.
В Москве ещё рано, светло,
Несметно проезжих число,
А здесь уже шепчет мне ночь:
«Покинь, престарелый, седло!
Ты должен и песней помочь».
И вот, заодно с темнотой,
На запад я взором плыву,
Где теплится день золотой...
Колени к сырому жнитву
Джамбул преклоняет седой;
Мигает звезда в синеве,
Сверкает в речном рукаве;
Я струнную рву тетиву,
Я звоном пугаю сову
И песню творю о Москве —
Москве. Для Москвы. За Москву.

Октябрь, 1941

Поэма любви и гнева¹

1

Сын мой, радость отцовских глаз!
Барымтач² налетел на нас,
Злой басмач налетел на нас,
Он, палач, захотел у нас
Солнце сталинское украсть.
Он шакалью разинул пасть,
Обнажил он свои клыки.
Сталин в битву повёл полки,
Сталин в битву народ позвал.
Я коня тебе оседлал,
Богатырский меч наточил.
Ты садись в седло и скачи,
Немцам головы ты коси,
Мою ненависть пронеси.
Пронеси ты Джамбулов гнев,
Пронеси ты аулов гнев
В пепелящем врага огне!

¹ Эту поэму народный певец Казахстана сложил на проводах своих учеников-поэтов, уезжавших в действующую армию.

Если встретится смерть тебе,
 Перед нею, сын, не робей,
 Спину ты перед ней не гни,
 Ты узду назад не тяни,
 Думы чёрные отгони.
 Ты в глаза ей смелей взгляни,
 Ты мечом тяжелей взмахни,
 Ты скажи: — Сторонись, карга!
 И увидишь — твоя нога
 Через пропасть перешагнёт,
 Смерть с дороги твоей свернёт.
 Смерть бесстрашного не берёт.
 И тебя полюбит народ,
 И воздаст он тебе почёт,
 И Джембул о тебе споёт,
 И молва о тебе пойдёт,
 Сталин соколом назовёт.

3

Ты во имя родной страны
 Про свои забудь табуны,
 Про аульные казаны,
 Про расшитые чапаны.
 Ни любимой своей жены,
 Ни весёлых своих детей,
 Ни себя, мой сын, не жалеи!
 Ты и юрту свою забудь,
 Под грозой расправляя грудь.
 Вражьей кровью залей ты путь,
 Настоящим воином будь!
 Моих песен не осрами,
 Змея Гитлера ты прижми
 Богатырским своим плечом,
 Отруби ему хвост мечом,

Жало гадины оторви,
Сапогом башку раздави,
А змеиное сердце вынь
И вонючим шакалам кинь.

4

Не давайся врагу живьём,
Бей копьём его и ружьём,
Будь отважен, как Суранши,
На фашиста огнём дыши,
И мечом летучим кроши,
Кулаком покруче круши,
Пятернёй могучей души,
Охнуть ты ему не давай,
В землю ты его забивай,
Чтоб дошла голова до ног,
Чтоб вовеки он встать не мог.

5

Если и будет неравен бой,
Если сдавит аркан тугой,
Если вороны над тобой
Соберутся на чёрный той¹,—
Будь бесстрашен, как Махамбет,
Ты ни слова врагу в ответ
И на пытке не говори.
Плюнь в глаза ему и — умри.
И тебя полюбит народ,
И воздаст он тебе почёт.
И бессмертье к тебе придёт.
Песню славы седой Джамбул
О тебе, мой сын, запоёт!

¹ Той — праздник.

Ты, мой сын, в грозные дни
Дружбу сталинскую храни.
В сече смелой будь вожаком,
Как бесстрашный Амангельды,
Будь батыром-большевиком!

.
У отчизны светлой моей
Много соколов-сыновей.
Сыновья летят в облаках
На крылатых аргамаках
И в стальном, боевом седле
Мчатся, грозные, по земле...
Дал им силу отец-народ,
Сталин в битву сынов ведёт,
Смелых к подвигам он зовёт.
Час расплаты с врагом настал.
Кто добычи у нас искал,
Тот могилу свою найдёт.

Октябрь, 1941

Советским гвардейцам

Есть в языке такие слова,
Чьё назначенье — пламенем жечь:
Если услышишь — вздрогнешь сперва,
Выше поднимется голова,
Станет певучей скромная речь...
Эти слова, как молния, жгут,
Сердце пьянят, на подвиг влекут,
Старцев пленяют, тешат ребят,
Недруга вяжут сотнями пут,
Трубами смерти над ним гремят.
Сколько прекрасных воинских слов
Ни озаряло Джамбулов кров,
Сколько он сам их ни находил —
Громче, чем гвардия, не слышал,
Ярче, чем гвардия, не встречал,
Слаще, чем гвардия, не твердил,
Твёрже, чем гвардия, не чертил,
Чище, чем гвардия, не вдыхал.
Если такое, слово из слов,
Стало наградой целых полков,
Если в трудах и в муках оно
Красным знамёнам присуждено,

Если победный дедовский чин
Стал достояньем наших дружин, —
Значит, врагов постигнет скорей
Кара земель, небес и морей;
Значит, достигла новых вершин
Доблесть советских богатырей,
Значит, злодеям приходит срок;
Значит, созрел гвардейский стрелок.

Праздник сегодня удвоен мой:
Почести край удостоен мой!
В части гвардейцев частью восьмой
Входит и собственный воин мой,
Входит мой родич, входит мой внук,
Входит, на шлеме своём храня
Прикосновенье старческих рук,
Им унесённое от меня.
Сын Казахстана мечом сверкнул,
Ветер гвардейский стяг натянул, —
Поступь победы слышит Джамбул.
Ярость бойца, священная страсть!
Денно и ночью в битвах владей
Теми, кто жизни дарует власть,
Теми, кто выше тысяч смертей!
Слава джигитам лучших частей!
Множься и крепни, гордая масть,
Нечисть фашистскую сокрушай,
В бегство разбойников обращай,
Мрази немецкой ужас внушай!
Сталинской гвардии путь открыт —
Путь, что тяжёлым плугом изрыт,
Путь, что горячей кровью омыт.

Октябрь, 1941

Выстоит племя богатырей

Шли и прошли две дюжины лет,
Годы, которым дивится свет,
Годы, которым подобных нет.
Землю свободой животворя,
Мир всенародный щедро даря,
В день, что не раз был нами воспет,
Грянул желанный гром Октября.

К двадцать четвёртой светлой черте
Мы с небывалым чувством идём:
В мае ещё мы были не те,
Люди стремились к другой мечте,
Солнце скользило другим путём,
Хлеб увлажнялся другим дождём,
Птицы в дубравах пели не так,
Волны в реке шумели не так,
Ранняя стужа длилась не так,
Сердце Джамбула билось не так.
Многое ныне стало иным:
Мрачно клубится пушечный дым,
Враг беспощадно чинит грабёж,
Враг угрожает нивам родным,

Рвётся на север и в тёплый Крым,
В тело отчизны вонзает нож.

Пусть, не в пример торжествам былым,
Дымом ты застлан пороховым,
Пусть ты на прежние не похож, —
День Октября, ты праздничен всё ж!
Будь же отмечен, день Октября,
В нашей отечественной войне!
Пусть на врага вдвойне и втройне
Рушатся небо, твердь и моря!
Помню я много мудрых примет,
Помню я старый порядок лет:
Зимаю по дюжинам вёлся счёт,
Прозвища зимаю давали встарь,
С живностью связан был каждый год, —
Звался, как зверь, как домашний скот,
Звался, как ползающая тварь.
Стань для фашистов, нынешний год,
Годом улиток и годом змей!
Стань для страны, где правит народ,
Годом орлов и годом коней!

Песню послал к Ленинградцам я,
Песню послал я и к москвичам,
Струнам велел не смиряться я
И разучился спать по ночам.
Я для народов, слитых в семью,
Вяносил третью песню мою.
С нами народы заморских стран,
Те, что проникли в чёрный обман,
Те, чьи тяжёлые корабли
К нашим причалам путь обрели.
Выступят, выморозят зверей
Наши сугробы и наши льды,
Выстоит племя богатырей,
Выручит родину из беды.

В прошлом немало суровых зим
Сделал оружием предок мой:
Холод — нам друг, и этой зимой
Натиск фашиста мы отразим.
Нашу изведает зиму он,
Сил не найдёт для нажима он,
Гнев наш разрушит вражью тюрьму,
Детище тьмы отпрянет во тьму.

Знаю, о Сталин, не я один:
К светлому облику твоему
Эта, лютейшая из годин,
Этот кровавый смертный покос
Много прибавят седых волос,
Много прибавят новых морщин...
Да! но победа — в твоих глазах!
Ты у судьбы стоишь на часах,
Светлый твой облик и голос твой
Нас вдохновляют на смертный бой.
Лезет наш недруг, но лезет зря!
В этом порукой — кровь Октября,
Сталинский путь советских людей,
Доблесть отцов и доблесть детей!

Ноябрь, 1941

В новогодний торжественный час

Снег ложится могучим пластом;
Реки тихо текут подо льдом;
Нависает сосульками лёд;
Холодна предрассветная тьма;
Посетившая землю зима
Продолжает привычный обход,
И стучится в родные дома
Молодой наступающий год.
На полях снеговых, ледяных,
В тишине новогодних часов
Слышу я перекличку бойцов,
Наших славных, советских, родных,
Слышу тысячи их голосов,
Их ответы на сталинский зов,
Звон оружия у их поясов
И походку суровую их.
В эти дни наступил перелом,
В эти ночи не спится врагу,
Он почуял свой близкий разгром;
Оставляя село за селом,
Он теряет на каждом шагу
Всё, что занял коварством и злом;

Он за слёзы невинных детей
Платит кровью поганой своей.
Ленинград и Москва и Ростов
И десятки других городов
Дали грозный злодеям отпор
И заставили в землю залечь
И выкуривать стали из нор;
Партизаны их гонят на двор,
И не греет их русская печь.
Надо их до конца истребить,
До единого всех перебить!
К вам, мои дорогие сыны,
К вам, защитники нашей страны,
Обращается старый Джамбул:
Меч победы над миром сверкнул!
Сталин бережно вырастил вас,
Он отчизну от гибели спас,
На победу страну вдохновил,
Наших сил он умножил запас,
Поле битвы он славой покрыл,
Он упрочил наш доблестный тыл
И фашистскую крепость потряс!
Пусть немолод я, пусть седовлас, —
Я за ним по-орлиному взмыл,
Чтоб помог вам мой песенный пыл
В новогодний торжественный час.

Декабрь, 1941

Советскому воину

Морозный ветер родной страны!
Наполнись пеньем моей струны!
Сквозь гул орудий мой сын и внук
Пушкой услышат певучий звук!
К могучим силам, под гром войны,
Слова Джамбула обращены.
Красноармеец! Привет тебе,
Тебе, кто страха не знал в борьбе,
Тебе, чей зорок и грозен взгляд,
Тебе, кто немцев теснит назад,
Тебе, чье сердце — огонь и лёд,
Тебе, чья слава летит вперед,
Чей шаг уверен, чей путь суров,
Кто защищает родимый кров!
Вы миру дали расцвет зари,
Отчизны нашей богатыри!
Вы плоть от плоти своих отцов,
Стяжавших славу лихих бойцов,
Вы утешенье для матерей,
Таких вскормивших богатырей.
Вскормить героя сумела мать,
Его сумела и в бой послать;
В пелёнках ею он был согрет,

В её он пряжу теперь одет;
Оружье наше народ ковал,
Народ свободу завоевал;
Страну, где Ленин в сердцах живёт,
Никто на части не разорвёт!
Нас враг вовеки не разобшит! —
Нам Сталин — солнце, и меч, и щит.
Враг подбирался с ночных небес,
Но рухнул камнем на чёрный лес;
Шёл под волной он и по волне,
Но, захлебнувшись, гниёт на дне;
Пришлось под снегом и на снегу,
Околевая, лежать врагу.
Всё это сделал рукой своей
Наш воин, мстящий за кровь детей,
За нас, скорбящих как никогда,
За наши сёла и города.
Всё, чем захватчик ещё силен,
Всё, чем сломить нас мечтает он,
Что он надёргал, что он наскрёб,
Всё, чем кичится, крича взахлёб, —
Всё это должен сравнять с трухой
Советский воин своей рукой!
Советский воин! На запад, вдаль!
Разящей пулей врага ужаль,
Сверкни очами из-под бровей,
Сломи фашистов и впрах развей!
Им передышки мы не дадим, —
Красноармейцы, мы победим!

Февраль, 1942

Ответ Джамбула

Казах, Сеитов Дюсекей,
И русский, Сахаров Борис!
Ваш клич достиг моих ушей,
Он тучей над врагом навис¹.

Залёгши в снежной целине,
Готовя извергам разгром,
Вы обращаетесь ко мне
С коротким пламенным письмом.

Вы заявляете: «Сведём
С фашизмом счёты мы сполна»,—
Вы пишете: «Мы песни ждём.
Джамбул, поможет нам она!»

Я бремя лет откину прочь,
Чтоб спеть о празднике весны:
Есть песню дать! Есть вам помочь,
Народов доблестных сыны!

¹ На имя Джамбула пришло из действующей Красной Армии следующее письмо: «Великий акын Джамбул Джабаев. Сыны казахского и русского народов, Сеитов Дюсекей и его командир Сахаров Борис, здесь, в окопах, готовятся покончить навсегда с фашизмом. Пришли нам твою славную песню. Она нам поможет».

Песня весны

Беспокойным тяжёлым сном
В эту зиму спали поля,
Пел свинец во мраке ночном,
Вражью рвань в сугробы валя.
Наши мирные очаги
Разрушали злобно враги,
Но разгневавшийся народ
Гнал на запад фашистский сброд.

Вот зиме наступил конец:
Вешним солнцем пригрет боец,
Оживает трактор в тылу,
В землю падают семена,
Дети радуются теплу,
Вновь ручей течёт по руслу,
Вновь берёза соком полна,
Вновь курлычут в синей дали
Перелётные журавли.
Их встречая, старый Джамбул
Руки к ним свои протянул,
Протянул и громко спросил:
«В чём источник жизненных сил?
В чём развязка наших тревог?
В чём победы нашей залог?»
— В нашем солнце, в нашем вожде,
В жажде мести, в дружном труде,
В неразрывности всех частей
Благородной нашей земли, —
Так пропел Джамбулу ручей,
Так шепнули соки корней,
Так ответили журавли.

Никогда ни один народ
Не признаёт в немцах господ!
Разве реки иной страны

Для Дуная мелеть должны?
Разве ходят липа и клён
К можжевельнику на поклон?
Разве смолкнет перед совой
Сокол горный и луговой?
Кто отважен и кто силён,
Тот не будет порабощён!
В блеске чистой голубизны
Встретим светлый праздник весны,
С новой мощью ринемся в бой!
С нами Сталин, мои сыны,
Знамя чести над головой.

Апрель, 1942

Городу Ленинских зорь

Город красных Ленинских зорь,
Город русских богатырей!
Вновь Джамбулово сердце грей,
Вновь акыну старому вторь!
Ты вовеки непобедим, —
Это знал я, скорбью томим,
Слыша весть про вражий нажим
И вверяя в суровый час
Всех созвучий моих запас
Ленинградцам, детям моим.
Ты хозяин судьбы своей.
Ты в годину тяжких невзгод
Принял так незваных гостей,
Чтоб редяющий этот сброд
Не прошёл ни шагу вперёд.
С каждым днём фашисты слабей.
Ждать недолго. Пуль не жалей!
У железных своих дверей
Все опасности переспорь,
Город красных Ленинских зорь,
Город русских богатырей!
Много подвигов ты свершил,

Много извергов искрошил,
Город-зареву, город-леву!
Слушай издали мой напев
И стреми свой царственный гнев
Вдоль израненных невских жил.
Вешний гром над миром гремит:
Сталин с армией говорит,
Он с грядущего рвёт покров
Остриём пророческих слов,
Где алмазный опыт боёв
С золотым предвиденьем слит.
Наши воины стали злей,
Наши люди стали взрослей.
Вот, средь выжженных пустырей
Душит немцев смертная хворь!
Вот канун победы твоей,
Город красных Ленинских зорь,
Город русских богатырей!

За движеньем солнца следя,
Счёт бесценным часам ведя,
Выполняя приказ вождя,
Казахстан отдался труду,
Чтоб сразить тупую орду,
Если рук — от страха пьяна —
Не поднимет раньше она.
За составом идёт состав:
Славный город, наш дар прими!
Пусть обвивший тебя удав,
Гад, глумящийся над детьми,
Подыхает, кольца разжав.
Славный город, наш дар прими,
Будь им сыт, а врагов громи
И свинцом их нашим корми!
Пред тобой, от годов сутул,
В этот год склонился Джамбул.

Я, чей волос снега белей,
Говорю: победу ускорь!
Прорубись в просторы морей,
Город красных Ленинских зорь,
Город русских богатырей!

Май, 1912

Дружба народов

Там, где Джамбул родился и рос,
Где до седых он дожил волос,
Там, где он песни свои слагал,
Там, где он родине помогал,
Там, по раздолью древних степей,
Бродят несметные табуны,
Там, в бечеве озёрных сетей,
Рыба выходит из глубины,
Там поглощают влагу дождей
Борозды вспаханной целины;
Там, для расчёта с лютым врагом,
Уголь пылает, плавя руду,
Там управляет и стариком
Воля к борьбе и воля к труду,
Там научились владеть штыком
Наглому Гитлеру на беду.
Там — кладовая силы земной.
Там — колыбель бесстрашных людей.
Там — Казахстан неоглядный мой
Во всеоружьи славы своей!
Сталинской дружбой со всей страной
Спаян мой доблестный Казахстан,
Стал он любимцем в семье родной,
Стал образцом для дружеских стран.

Внуки мои! Мои земляки!
Я не однажды за этот год
Мощные ваши воспел полки
И проводил в священный поход.
Каждый из вас меня вдохновлял,
Вас я на битвы благословлял.
Под Ленинградом и под Москвой
Стали вы сказкой, вечно живой.
Многих из вас, на горе врагу,
Славный Панфилов вёл за собой.
Горд я и счастлив — скрыть не могу! —
Тем, что казах на русском снегу
Знамя гвардейцев, дар боевой,
Поднял, средь первых, над головой.
Горд я и счастлив тем, что казах,
Берег заветный вернув стране,
Пал на колени, целуя прах,
Пыль Украины, как пишут мне...
Берег реки, под ливнем свинца,
Он целовал, как руку отца.
«Жарко он, — пишут, — к земле прильнул...»
Что же скрывать? — ты сладко всплакнул,
Слыша об этом, старый Джамбул!

Время идёт и недолго ждать:
Мы людоедов начали жать.
Но, чтоб скорей погибли враги,
Силы свои вдвойне напряги,
Слитый с отчизной, мой Казахстан! —
Слышат народы наши шаги,
Видят грядущих битв ураган.

Июнь, 1942

Работницам наших полей

Я помню: когда в старину
Казах уходил на войну,
Когда на войну уходил
И сына с собой уводил,
Тогда поручал он жене
Заботу о доме своём, —
О мирном своём табуне,
О тучной родной целине,
Покрытой густым ковылём.
Покуда мечом и копьём
Отечество он защищал,
Он матери скот поручал,
К охоте сестру приучал
И еле подростшую дочь
Обязывал зёрна толочь.
Об этом старинном труде,
О твёрдости женской руки,
Поныне всегда и везде
Седые поют старики,
Об этом над вешней водой
Джамбул вспоминает седой.
Чтоб лопнула вражья броня,
Как чёрный болотный пузырь,

Чтоб схлынуло море огня,
Что лижет советскую ширь, —
Взнуздал вороного коня
Народный лихой богатырь,
Он скачет и песню поёт,
Он в синий небесный пустырь
Уводит стальной самолёт,
Он грозные танки ведёт,
Он танками давит врагов,
Немецкие топчет полки,
Как топчут гадючки клубки
Копыта могучих быков.
Он силой карающей стал,
А кем он вчера ещё был? —
Он злак урожая считал,
Он силой взрыхляющей был.
И вот он от дома далёк...
Кому же теперь невдомёк,
Что сеятель, пахарь и жнец
Средь недругов сеет свинец,
В дугу их, как дерево, гнёт,
Их косит и давит и жнёт?
Он в смертном кровавом бою
Семью защищает свою,
За правое дело стоит,
За родину смело стоит,
Стоит за свободу и честь.
И всюду на быстрых крылах
За вестью разносится весть
О им совершённых делах.

Где землю пахал он вчера,
Его заменила сестра;
Сражается пахарь и жнец,
Но мать его, дочь и жена
Постигли всей глубиной сердец,
Что помощь их фронту нужна.

Родимая! Трактор веди,
С машиной хозяйственно лады,
За винтиком каждым следи,
Работай, танкисту подстать,
И, с ним соревнуясь, гляди —
Горючего даром не трать...
Подруги, трудитесь в тылу!
Все думы теперь об одном:
Чтоб землю готовить к теплу,
Чтоб колос был полон зерном!
На помощь в заветном труде
И школьник спешит и старик.
И пусть мальчуган невелик,
А дед — с сединой в бороде,
Но будут в порядке хлеба!
Ведь нынче — повсюду борьба,
Ведь с трактором дружит ружьё,
И Сталин, чьё слово — судьба,
На запад теснит вороньё.
Вот выйдешь ты, дочь, на жнивьё
И, пот утирая со лба,
Воскликнешь: «Уж я ли слаба?
Уж нам ли зимой не житьё?
А вот они — наши хлеба!
А вот оно — дело моё!»

Июнь, 1942

Ленинград победит

О тебе, о родном, я снова пою,
Ленинград, устоявший в смертном бою!
Ты врага задержал, ты славу стяжал,
Ты согрел и украсил старость мою.

Песне сказано было: «Близок злодей,
Растопыривший крючья своих когтей, —
Птицей, песня, вспорхни и в грозные дни
Над балтийской твердыней небом владей!»

Песне сказано было: «Крылья раскинь!
Борозди, прорежь осеннюю синь!
Ленин, вечно живой, скорбит над Невой, —
Бурей гнева на немцев, песня, нахлынь!»

Песне сказано было: «Ленин зовёт!
Пусть не знает преград твой долгий полёт
И, завидев твой след, пусть враг-людоед
На тебя направляет свой пулемёт!»

И послушалась песня и помогла:
Сил своих не жалея, грудь напрягла,
И, подобно серпу, пробили тропу
Сквозь фашистскую мразь два острых крыла.

Ленинградцы! Мой дух над вами витал.
Вражьи трупы он тысячами считал:
Дух мой — в песне, и с ней он множество дней
Ненавидел, держался и побеждал.

Наших предков я славил в песне моей,
Мне казалось — не может уж быть храбрей,
Но таких, как сыны балтийской волны,
В первый раз я встречаю богатырей...

Этот город сравнил бы Джамбул седой
С незакатной вовек Железной звездой,
Что прочнее гвоздя¹, однажды взойдя,
Дни и ночи блюдет заветное «стой!»

Быль чудесную знают здесь не одну,
Перед прошлым Невы я колени гну,
Но со дня, как возник, так не был велик,
Так могуч наш оплот, как в эту войну.

Четверть века прошло с той славной поры,
Как свои он пред нами раскрыл дары...
Победит Ленинград! — и об этом в лад
Сложат песни акыны и гусляры.

Август, 1942

¹ «Железный гвоздь» («Железный кол») казахское народное обозначение Полярной звезды.

Приказ родины

Грозный день, о сын, наступил!
Горе! К горлу враг подступил!
Нам дыханье хочет пресечь,
Всё с землею сравнять и сжечь,
Осквернить святыни отцов!..
Враг вступить посмел на Кавказ,
Хочет лучшее взять у нас!
Хочет пить Кубань, Волгу, Дон —
Кровь и плоть веков, радость глаз!
Каждый город и каждый дом
Создавались нашим трудом,
Это — наше с древних времён!
Всё отнять у нас хочет он!
Всё, чем жизнь была дорога,
Разве ты берёг для врага?
Если над головою гроза, —
Разве смерти не взглянем в глаза?
И важней разве что-нибудь есть,
Чем народа и родины честь?
Разве честная медлит рука
Вырвать жизнь из груди врага?
Каждый, каждый земли вершок. —
Это тело твоё, кровь и пот!

Здесь по жилам железных дорог
Протекает жизни поток.
Там, где слышишь, как дышит завод, —
Сердце родины бьётся, живёт;
Там, где руды в земле залегли,
Видишь светлую душу земли!
Где зелёный раскинулся луг —
Это сила трудящихся рук,
Это — радости мирной жильё,
Это — верное счастье твоё!
На тебя с надеждой глядел
Каждый памятник дедовских дел!
Если враг это рушит сейчас,
Если это он топчет, кичась, —
Чья душа не вспыхнет огнём?!
Разве в пропасть врага не столкнём?!
Где берёт он хоть малую пядь, —
Он спешит в себя силу впитать!
Там, где верх он над нами берёт, —
Сил лишить он стремится народ!
О, скажите! Кто это поймёт, —
Разве может ещё отступать?
Разве есть у нас лишний вершок,
Полвершка, самый малый лишок,
Что не жалко врагам уступать?
Нам разбойники рабством грозят!
Помни, воин, ни шагу назад!
Чем позорного рабства печать, —
Смерть не легче ли нам во стократ?!
О великое племя! Вы —
Наши юноши, наши львы,
Никогда ещё о себе
Не слышали дурной молвы,
Не терпели ещё обид,
Вас не жёт униженья стыд!
Гордой матери молоком
Вскормлен родины сын-джигит!

О свободной земли сыны,
Гляньте в дымную даль войны:
Там прекрасные города
Топчет вражеская орда!
Там казнённые без вины
Дети раненые видны,
Пощадить дитя молит мать,
Стонут женщины — плач кругом!..
Как придавленную врагом
Честь-достоинство сохранять?!
Жгучей жалости боль в груди
Разве можно стерпеть? — Иди!
Счастье мщения впереди!..
Кто не знает усталости, тот
По врагам побеждённым пройдёт!
Помни: трус не останется цел,
Себялюбец себя не спасёт:
Будет прятаться, будет слабей
Дикой курицы в травах степей!
О мой сын, только трусом не будь —
Этой чаши горчайшей не пей!
Разве может народу помочь
И спасётся ли в грозную ночь
Жалкий заяц, пустой воробей? —
Прочь, кто трусит и плачется, — прочь!

О, послушайте старца призыв!
Если дышишь ещё, если жив,
Если двигаться в силах рука,
Не подрублены ноги пока —
Бей врага, милый сын, бей врага!
Чтобы выстоять, чтобы не сдать,
Можно, сын мой, каменным стать!
В сталь, в железо себя обратить,
Чтоб от родины смерть отворотить!
Сыновья! Нет дороги иной, —
Наступайте волна за волной!

Чтобы враг захлебнулся волной,
Чтоб задохся и выдохся он!
О боец, бей врага! Ты не сдашь!
Как стоит горнокаменный кряж,
Надо встать, сыновья, надо встать!
Нами созданный мир будет наш!
Если гнев твой остёр, как меч, —
О, зачем свою кровь беречь?
Бей врага, мой сын, бей врага! —
Это родины нашей речь!
Сын мой, твёрже будь, чем гранит,
Будет вдребезги враг разбит!
Бей врага, мой сын, бей врага! —
Это Сталин тебе велит!
Будет счастье и будет свет!
А для воина — смерти нет!

Сентябрь, 1942

Несокрушимая крепость

Про дела счастливой страны
Пел я в мирные времена,
Но, друзья мои, в дни войны
Песня гнева больше нужна.
Мне покоя гнев не даёт!
Ночи целые напролёт
Я тревожный мысленный взгляд
Устремляю на Сталинград.
Хочет враг занять берега
Нашей славной Волги-реки...
Руки коротки у врага!—
Обломаем ему клыки,
Поскользнётся его нога!
Сталинград... не каждый ли дом
Повествует здесь о простом
Славном воине-смельчаке,
Что с оружием, сжатым в руке,
Защищает волжский простор
И свободу казахских гор!
Ты не дрогнешь, воин-смельчак!
Вспомни в дни тягчайших невзгод,
Как когда-то русский народ
Защищал свой каждый очаг.

У могучей нашей реки
Сталин братьев твоих сплотил,
И отец, что тебя взрастил
Всем лишениям вопреки,
Под Царицыном победил.
Твёрдо знают и стар и млад:
Враг наш скоро будет разбит.
Совесть мира на Сталинград,
Затаив дыханье, глядит.
Защищай же волжскую ширь,
Безупречный мой богатырь!
Высоко над краем родным
Сталин знамя борьбы вознёс.
В Сталинграде — пламя и дым,
Но стоит он прочней, чем утёс.
Там сражается и казах.
Мой сородич неустрашим,
Знаю — выстоит он в боях,
Будет Сталин доволен им.

Я не белый клочок оторвал
От седой моей бороды —
Я родного сына послал,
Сталинградцы, в ваши ряды!
Провожая его в поход,
«Алгадай! — сказал я ему, —
Бей как следует вражий сброд,
Докажи, что ты не урод,
Что в Джамбуловом вырос дому!»
Я сказал ему: «Алгадай!
Будь подобен живому письму —
Мой привет бойцам передай!»
Сталинградцы! Песни мои
Алгадай мой вам пропоёт,
Пусть в бурленье волжской струи
И Джамбул свой голос вольёт.

Октябрь, 1942

Сказание о большевистской правде

Помню — в тот день Майтюбе-гора
Празднично выглядела с утра;
Снег, залегая в морщинах скал,
На Ала-Тау седом сверкал;
С жёлтой ромашкой наперебой,
Мак по зелёным склонам алел,
Конь обрывал их влажной губой,
В них утопал, от них веселел;
Шумно раскачивалась листва,
Лёгкая ноша свежих ветвей;
В песнях, исполненных торжества,
Хвастали птицы жизнью своей;
Счёт потерявший прожитым дням
(Я и тогда уже был старик),
Взор обратив к нагорным снегам,
Вдруг услышал я радостный крик:
«Фурманов Дмитрий¹ приехал к нам!»

¹ Дмитрий Фурманов в период установления советской власти в Казахстане работал в городе Алма-Ата (б. Верный) в качестве военного комиссара, личного уполномоченного М. В. Фрунзе. Джамбул много слышал об этом молодом большевике, агитаторе, писателе. Приезд Фурманова в аул, где Джамбул постоянно проживал, послужил поводом к тому самому разговору, о котором Джамбул

Дмитрий... Слышал я раньше о нём,
Знал, что не рядом мы с ним живём...
Кто приезжал из Алма-Ата,
Тот говорил, что пышут огнём
Дмитрия Фурманова уста;
Речь его, мол, ясна и чиста;
Если, мол, все мы за ним пойдём,
Явью любая станет мечта.
Беден тогда был старый Джамбул,
Часто на голой он спал земле, —
Как на облезлом своём осле
Он бы до города дотянул?
Льнула беда к седым волосам,
Немощен был я и рван и бос...
Если же Дмитрий приехал сам,
Если предстал он старым глазами,
Здесь он ответит на мой вопрос!

«В мире, наполненном суетой,
Долог мой путь, — ему я сказал, —
В поисках правды Джамбул седой
Обувь последнюю истоптал.
Ищет он семьдесят с лишним лет,
Кажется — видит правду порой,
Кажется — вот уж напал на след,
Но, покрываясь враждебной мглой,
След исчезает, и правды нет...
Голубем правда вьётся вдали, —
Кони доскачут ли до неё?
Правду догонят ли корабли?
Можно ль проникнуть к правде в жильё?
Стал мой осёл — и щиплет кусты...

вспоминает в своей поэме «Сказание о большевистской правде», посвящённой 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. В лице Фурманова Джамбул впервые встретил человека, который мог ответить ему на мучивший его долгие годы вопрос — «Где она, правда?»

Стать ли и мне, затылок скребя?
Где же, я спрашиваю тебя,
Где она, правда, знаешь ли ты?»

Вдумчивый взгляд под высоким лбом
Сердце моё овеял теплом.
Силясь волнение скрыть от меня,
Голосом юношеским звеня,
Он на слова ответил мои:
«Правда, отец, — в людском бытии,
В жизни — она и, значит, везде,
Но достаётся только в труде.
Если ж свободным не станет он,
Правды не будет, это закон.
Даром свободы в жизни не жди, —
Путь пролагай труду своему!
Светлую правду вносят во тьму
Ленин и Сталин, наши вожди.
В правде — победа большевиков.
Путь предстоящий будет суров,
Да, но другого нет впереди».

Данный мне Фурмановым ответ
Снял с меня сразу полсотни лет,
Силу былую обрёл я вновь,
В жилах моих обновилась кровь,
Стала из высохшего ручья
Бурным потоком песня моя.
Ленинско-сталинский светлый путь
Стал неизменным путём моим,
Слов большевистских познал я суть.
Лживого бреда липкую муть
Стал обходить с подолом сухим.
Мирный приют моих земляков;
Светлую зелень свежих лугов,

Где разогнали всю мошкару;
Истину жизни, жизнью согрет,
Два с половиной десятка лет
Я воспевал на общем пиру.

Время пришло: в негаданный час
Всех к испытанью призвали нас.
Время пришло: орудийный гул
Степи бескрайние всколыхнул
И снеговые горы потряс.
Так оборвал наш мирный покой,
Так замахнулся грязной рукой
Враг, потерявший облик людской.
Вторгся на наши равнины он,
Вторгся, чтоб сесть нам на спины, он,
Вторгся, ища мертвечины, он.
Стал земляков скликать я моих:
«Ну-ка, достанемте пояса!
Ну-ка, прогонимте немца-пса
Так, чтоб не лаял, так, чтоб затих!
Правда отчизны, наша краса,
Чище и глубже, чем небеса».

Время проходит: вот уж погас
День пятисотый в чёрном дыму,
Пламя войны в пятисотый раз
Смыло с полей вечернюю тьму, —
Мы же попрежнему немца бьём,
Мы, как и прежде, духом сильны,
Фронту всё больше сил придаём,
И разрастается с каждым днём
Гнев непреклонной нашей страны.
Все мы воюем — и стар и млад,
Бомбой и пулей разим впопад.
Дело большое нашлось и мне:
Песней правдивой служить стране.

Не остаётся песня в долгу, —
Песня хребет ломает врагу.
Целься же, песня, в глаз, а не в бровь!
Мсти за народную нашу кровь!
Время придёт, и мы отомстим
За омрачённый великий день,
День, что, как солнце, неугасим,
Но, облечённый в скорбную тень,
В память со стоном входит глухим.
Четверть столетья, годы трудов —
Нашим богатством будут всегда.
Не превратят нас немцы в рабов!
Знайте же, сёла и города:
Нам без победы спасёнья нет!
Разве помилует людоед?
Разве насытится кровью он?
Кровью союз народов скреплён,
Кровью мы купим счастье и честь,
В нас большевистская правда есть,
Ленинско-сталинская в сердцах
Светит нам правда, зверю на страх.

Ноябрь, 1942

Ответ сыну

Как последним письмом, сынок,
Ты порадовал сердце мне!
Ты — с гвардейцами наравне,
Ты в отлучке не одинок.
Будь подобен предкам своим,
Саурыку и Суранши,
Во вторую из грозных зим
Без пощады немца глуши!

Боевые твои друзья
Написали вместе с тобой:
В каждом слове их слышу я
Свист меча над вражьей толпой.
Это — братья твои, сынок!
Это — дети нашей страны!
От волнующих тёплых строк
Веет мужеством старины.
Вы мне пишете: «Злобный враг
Скоро канет в подземный мрак,
Дни разбойников сочтены!»

Помни, сын мой, слово отца
О приказе родной земли!

Был приказ: стоять до конца! —
Стой и немца свинцом сверли!
Верен будь присяге своей,
В битве, сын мой, сил не жалей.
Вижу я из твоих простых
И по-воински скромных строк,
Что немало дел золотых
Совершил ты в короткий срок.
Ваши части гонят врага,
Остановлен вражий набег,
Очищаются берега,
Замутившихся русских рек.

«Мёртвой нечистью путь устлав,
Перед родиной воин прав», —
Так ты пишешь, и вот ответ:
Мёртвой нечистью путь покрыт,
Но не сыт я, мой сын, не сыт,
Я не сыт, и покоя нет...
Пусть отец твой годами стар —
Жажда мести мне сердце жжёт,
За ударом нужен удар,
Новой славы отчизна ждёт,
Не окончен победам счёт,
Полной мести близок разгар,
Грозных молний виден полёт!
Помни, сын, что истый джигит
Не боится своих врагов.
Если будешь и ты таков, —
Станешь славен и знаменит.
Только помни: сил не жалей,
Не щади себя, Алгадай,
С осквернённых наших полей
По-гвардейски нечисть сметай!
Будь бесстрашен, мой Алгадай,
Немцам отдыха не давай!

Если струсишь — не пощажу.
Если выстоишь — награжу
Тем, что внукам в песнях моих
О твоих друзьях боевых,
О делах твоих расскажу.

Декабрь, 1942

Героям Воронежа

Полон древних могучих сил
Чернозёмный русский простор!
Сотни лет здесь кровью платил
Враг отчизны за свой задор.

Здесь крепчайших богатырей
Наш народ поставил в дозор,
Здесь фашистам грудью своей
В эти дни вы дали отпор.

От Воронежа отвратив
Ненасытный вражеский взор,
В глубь священных родимых нив
Мы не пустим пьяных обжор!

Дети милые! На века
Вы прославлены с этих пор:
Там, где льётся кровь смельчака,
Не грозит отчизне позор.

Разве дрогнете, смельчаки,
Если все вы здесь на подбор?
Там, где надо, и кулаки
Заменяют штык и затвор.

Будьте, дети, твёрже камней!
Это вражьи́м силам измор. .
С каждым днём смелей и верней
Выбивать их надо из нор.

Твёрдо знают и фронт и тыл:
Враг не страшен, страшен укор.
Кто Воронеж грудью прикрыл, —
Спас он братьев, спас он сестёр.

Я уверен — злая вода
Не разрушит каменных гор,
Мы отпразднуем день суда,
Справедлив он будет и скор!

Декабрь, 1942

Новогодний привет

Со мной молодёжь дружна:
На Новый мне год, она
Цветы приносила в дом.
Я песни слагал о ней,
О жизни, ставшей длинней,
О празднике молодом.

Как ветви, что рвутся ввысь
И соками налились
Весною в лесу густом,
Так, солнечно-весела,
Меня молодёжь влекла
На пиршестве круговом.

Но свет войной затемнён,
И радости тех времён
Нам кажутся смутным сном...
Где дочери и сыны
Великой нашей страны,
Там думы их об одном:
С оружием врага встречать
И молодость защищать,
Сражаясь ночью и днём. ,

Отважная молодёжь
Злодеев повергла в дрожь,
Разя их смертным огнём.
Оружье сжато в руках,
И тает снег на щеках,
Покрытых первым пушком.
Джигиту-богатырю
Я с гордостью вслед смотрю, --
Он сказочным стал щитом.

Победы в Новом году
От вас я, родные, жду,
Своим вам служа трудом.

Декабрь, 1942

Новогоднее письмо сталинградцам

Сталинграда герои, вы
Из металла литые львы,
С сердцем крепче горных пород!
Защищая каждую пядь,
Вы сумели насмерть стоять.
Вас прославит в веках народ,
Вам, кто предков честь вознесли,
Он поклонится до земли.

Вгрызся в горло вам душегуб,
Но из сомкнутых гневом губ
Ни один не вырвался стон,
Вы делами дали ответ;
Душегубий дробя хребёт
Осень долгую напролёт,
Вы злодея теснили вон...
Подавившись добычей, он
Чёрной кровью теперь блюёт...

Всё пожрать возмечтавший впрок,
Мир он в жертву себе обрёл,
Да советской земли кусок
Живоглоту встал поперёк.

Но с твердыни и посеючас,
Даже знатно и крепко бит,
Он насытых не сводит глаз,
Он подкрасться к ней норовит.

Заклинаю, родные, вас:
Да свершится святая месья!
Сокрушительнее напор!
Бейте изверга до тех пор,
Пока кровь его, вся как есть,
Из драконьих не хлынет пор!

Новогодний разлив зари,
Полыхая в шелку знамён,
Вам вещает, богатыри:
Будет мерзостный посрамлён!
Как от солнца пятится мрак,
Сколь бы плотно ни залегал,
Так от вас откатится враг,
Чуя гневных сердец накал.
Солнцу свет на запад нести...
Нынче с солнцем вам по пути!

Декабрь, 1942

Тебе, комсомолец Ленинграда!

Прибыл гость дорогой ко мне,
Ленинграда отважный сын.
Речи пламенные его
Я, седой и дряхлый акын,
Молча слушал — и видел того,
О котором он вёл рассказ.

...Ты мне ярко предстал сейчас,
Ленинграда боец молодой,
Сквозь просторы страны родной,
Сквозь немолкнущий вой ветров.
Бледен ты, но взор твой суров,
Неустанен он в днях и в ночах.
Мысль одна в нём: не сдать в борьбе!
...Ватник стёганный на тебе,
Валенки на твоих ногах...

Это ты Ленинград родной
Оградил стальной стеной,
Чтобы злобных врагов орда
Не проникла в него никогда.
В эту стену упёрся враг —
И не двинулся ни на шаг.

Рвутся бомбы на площадях,
Дико злобны разрывы их,
Но тобой не владеет страх —
Ты в холодных цехах больших
За снарядом готовишь снаряд,
И, врагу давая ответ,
Наши пушки ревут, гремят...
Где тебя, непреклонного, нет! —
Для бойцов в пекарне ночной
Выпекаешь ты хлеб ржаной.
В лазарете сестра твоя,
Бесконечных забот полна,
День и ночь хлопочет она,
От себя усталость тая.

Да, мой сын, мой любимый сын,
Как, пройдя, поглядишь кругом —
Осквернён проспект не один
Вражьей сталью, вражьим свинцом.
Но врагу не торжествовать:
Убираешь каменья ты,
Сор сметаешь, — и вот опять
Тротуары улиц чисты.

Жизнь идёт, её не прервать!
Это — доблесть твоя! Это — ты!

Вижу я: ты сходишь в подвал,
И в ночи, — как бы ни завывал
Чёрный вражеский самолёт, —
Комсомольцев собрание идёт.

Пусть сирены тревожный вой
Раздаётся в тиши ночной, —
Ты сидишь и пишешь статью.
Вижу — бегаёт твой карандаш:
«Крепче стойте, друзья, в бою,
Ленинград защищая наш!»

Ты стоишь у наборных касс,
И, как четверть века назад,
Буквы «Смены» в урочный час
Свежей краской во мгле блестят.

«Смена»... Выращено тобой
Племя комсомольцев-отцов,
Петрограда славных бойцов.
Передай же теперь их сынам,
Рвущим вражье кольцо, о том,
Что Джамбул поёт их делам
Славу звонким степным стихом.

С опечатанных утром листов
Славной «Смены» твоей боевой
Я, седой и дряхлый акын,
Обращаюсь к тебе, мой сын,
Ленинградец, друг молодой.
Вот по Невскому я иду —
С пьедестала, с гранитных плит,
На меня Кутузов глядит.
Вот на Выборгской, там, вдалеке,
Ленин, стоя на броневике,
Простирает руку свою.
Вот за Нарвской заставой я, —
Здесь, увенчанный славой, зовёт
Ленинградец Киров вперёд!
Ты у этих богатырей,
У великих России сынов,
Жить учись! Как они, сумей
Быть в опасности твёрже камней
И незыблемей горных хребтов.

Помни, юноша, — вся страна
О тебе заботы полна!
Знаю: скоро отступит враг
От Невы — так же, как побежал

Он от волжских бурливых вод
И от Дона, что перестал
Тихим быть и яростным стал,
Так же, как от Кавказских гор
Побежал он — побитый вор.

Стой же, сын, на посту, крепко стой!
Вся страна, ленинградец, с тобой.
И с тобой, мой любимый сын,
Я, Джамбул, её старый акын.

Февраль, 1943

Богатырям, ломающим преграды

Больше всех народом любим
Тот, кто в битве непоколебим,
Тот, кто с жизнью расстаться готов,
Мстя за слёзы сирот и вдов.
Но тому наивысший почёт,
Кто бойцов за собой влечёт,
Кто для них излучает свет,
В ком спасенье от лютых бед.

Судьбы нашей великой страны
Красной Армии вручены.
Всё, что лучшего в мире есть, —
Дружный труд, свободу и честь —
Всё, что создано на века
Человеческим светлым умом,
Всё, что враг обрекал на слом,
Защищают наши войска,
Защищают ночью и днём.
Всех решительней, всех смелей,
Всех заботливей и мудрей
Вождь отважных наших полков,
Вождь, как солнце, рассеявший тьму,

Совесьть мира, светоч веков,
Сталин, Сталин, слава ему!
Наших воинов всюду чтят,
Чтят, кто мал, кто молод, кто сед,
Славят сталинский путь побед
И с восторгом за ним следят.
Люди чтили и в старину
Смельчаков, что шли на войну
За свободу милой земли;
Помогали им чем могли
И венки полководцам плели.
Если в люльке, здоровьем дыша,
Русский мальчик мать утешал,
Если этого крепыша
Старый дед на колено сажал,
Говорили и дед и мать —
«Ты Чапаевым должен стать!»
Если свет вечерней звезды
Новорожденный мальчик-казак
Отражал впервые в глазах,
«Будь подобьем Амангельды!
Будь отважен, как Махамбет!»
Вот какой давали совет.
И в преддверьи тревожных лет
Слово матери слышал грузин —
«Будь прославлен, как тот исполин,
Кто был в тигрову шкуру одет!»
И не раз, где Каспий седой
Гонит пенистые валы,
Смуглый первенец слышал — «Стой,
Стой за правду, как Кор-оглы!»
Так младенцам каждый народ
Образ предка влагал в сердца.
Чтобы чтили их в свой черёд,
Чтобы в каждом видеть бойца.
Было время — враг оттеснял
Нашу армию на восток,

Нашу землю он осквернял,
В малодушных робость вселял,
Трупы детские оставлял
За собой немецкий сапог.
Но сомненья не было, нет,
В том, что силы наши растут,
В том, что скоро немцу ответ
Все народы наши дадут.
Если в жилах наших бойцов
Кровь их славных предков текла,
Эта кровь, наследство отцов,
Поруганья стерпеть не могла.
Знал ли немец, как может кипеть
Эта кровь, что чище росы?
Знал ли он, что нам не сробеть
Даже в горестные часы?
Знали мы, что расплата близка,
Что захватчик будет разбит,
Что великий Сталин крепит
И по-новому строит войска.
Твёрдо знал и старый Джамбул,
Что недолог вражий разгул:
От Невы до Кавказских гор,
За приказом ступая вослед,
Ради ваших, джигиты, побед,
Голос мой выходил в дозор.
Не прошёл ли я с вами сам
По дорогам и по лесам?
Помнит каждая колея,
Помнят старых стволов слои
Зов Джамбула — «дети мои!»
И признание — «гордость моя!»

Устояли вы в смертной борьбе,
Я горжусь моими детьми!
Вот, забыв о своей похвальбе,
Любоед ложится костью!

Вот он корчится, раненый змей,
Задержать нас хочет в пути...
Нет, себя ему не спасти!
Кто сумел удар нанести,—
Будет дальше разить сильнее!
Бей врагов, мой доблестный внук,
В мертвецов превращай иль в калек!
Знай — разливом весенних рек
Сносит в море зубастых щук.
В ваших жилах взбурлила кровь,
Враг под натиском вашим смят,
Ваши предки ожили вновь,
Их знамёна в небе шумят.
Пусть же гибнет в бегстве своём
Враг, ворвавшийся к нам с огнём
И с разбойничьим кистенём!
Миру видно — делом своим,
Ей привычным, ей не чужим,
Наша армия занята,
Грозным делом чести своей,
Что под силу одной лишь ей,
Ей завещанным неспроста.
Четверть века тому назад
Ленин, кинув пророческий взгляд,
Это дело ей поручил
И со Сталиным делу учил.
И, со Сталиным во главе,
Обращая мысли к Москве,
Ныне армия наша идёт,
Бьёт врага и погоды не ждёт.

Развернулись такие войска,
Для которых туча близка,
Хлябь морская неглубока
И граница недалека!
Разъярился такой кулак,
Пред которым только беги,

Пред которым сохнут мозги
У сдуревших вражьих вояк!
Размахнулся такой народ,
Что проходит и вплавь и вброд,
Что не может пойти ко дну
И дорогу знает одну —
На врага! Вперёд и вперёд!
Продолжай же, армия, бой,
Исторгай из фашистов вой,
Зимний вспарывай их постой,
Режь их фронт, кромсай и крои!
С вами Ленин, дети мои!
Войско дивное! Сталин с тобой! ,

Февраль, 1943

Светлый праздник Наш недалёк

В лютых вьюгах зимних ночей
Броненосный ринулся вал:
Крепче льда и тучи мрачней,
Вражью цепь он властно порвал.
Это, в грозной славе своей,
Сила наших богатырей, —
Красной Армии день настал!
Мир к ней взоры свои приковал!

Всенародный внукам привет
В песне шлёт ликующий дед.
Снова молод я и силён,
Вами, внуки, я вдохновлён.
Сердца жар ничуть не остыл,
Свет очей моих не погас,
Наш, на жертвы готовый, тыл
Этой песней приветствует вас!
Ваш удар неслыханным был:
Он врага жестоко потряс,
Путь на запад он нам открыл.

Нам известно, как бить врагов,
Бить и вдоль их и поперёк!
Мудрый Сталин на смерть их обрёл,
Он водитель наших подков,
Он спасает нас от оков,
Светлый праздник наш недалёк!

Февраль, 1943

*Боевым страницам—
спутницам Красной Армии*

Знаю я: со штыком наравне,
Верно служит нашей стране
Боевая наша печать —
Ей, подобно грому, звучать!
Наша слава, наши труды,
Наши сёла и города,
Всё, что Сталин спас от беды, —
Словно небо в каплях воды,
Отражаются навсегда
На страницах «Красной звезды».
Я всю жизнь о мужестве пел,
И струна моя мне твердит:
«Тот, кто грамотен, тот, кто смел,
Тот, кто труса взял на прицел,
Тот, кто сердцем с народом слит,
Неминуемо победит!»

Февраль, 1943

Клятва под знаменем

Казах-скотовод! Мы вместе росли,
Мне с детства знаком твой мудрый нрав,
Мне песни о славе родной земли
Нашёптывал ты под шорох трав.
Итти, отвлекая порчу и вред
От бляющих и от мычащих стад,
Всё время за ними итти вослед —
Вот жизни твоей вековой уклад.
Грозил им бури, и холода,
И волки, и воры, и тьма невзгод,
Но, сил не щадя, ты холил стада
И ночью и днём, казах-скотовод!
Прикрывшись полкой, щекой к рукаву,
Промокнув от темени и до ног,
Под ливнем, ты всё ж держал бечеву;
В полглаза дремя, добро ты стерёг.

Я видел, колхозник, твои стада,
Но счесть их мне было невмозготу...
Колышется степь, как в море вода,
И в этой степи — раздолье скоту.
Здесь выпаски всех четырёх родов:
Средь шерсти, рогов, горбов и грив,

Я гикать, как в молодости, готов,
И грудь мне вздымает мощи прилив!
Меж всадников статных, думброй звеня,
Сквозь эти богатства, сквозь их нагул,
Направил шаги гнедого коня,
Качаемый иноходью, Джамбул. —

Вдоль гор продвигаются табуны,
И лоснится волос, как мех бобра;
Пылят годовалые шалуны,
Во-всю жеребья идёт игра.
У каждой бурёнки, гордой на вид,
Запас молока и свеж и тяжёл;
Вот вымя её сосун теребит,
И радуется взоры знатный отёл.
На пастбищах — звуки щедрой весны:
О песнях горбатеньких верблюжат
Ягнята младенческой белизны
По-своему высказаться спешат...
Табунщик, телятница, овцелас!
Кто лучше, чем вы, их речи поймёт?
В труде напряжённом я видел вас,
И в старческой песне ваш труд живёт.

Когда ненасытный и лютый враг
Вломился на наш священный простор,
Казах-скотовод все силы напруг,
Он жаждой отмщенья зажгёт свой взор!
Табунщик на фронт коня снарядил,
Ему расчесав и гриву и хвост.
Он в мирное время табун растил,
Но знал, что и в бурях будет прирост.
Я вижу, телятница, что и ты
Для кухонь походных растишь приплод,
А если в бою пересохли рты, —
Вот сливки для них, густые, как мёд!
Проживши без малого сотню лет,

Я хрупок, но силы всё же припас:
Друзья-скотоводы, пусть мой совет
Приказом и клятвой звучит для вас! —

Давайте же силы соединим,
Чтоб доблестный воин досыта ел!
Пусть вашим трудом он будет храним!
Пусть немцев гуртом берёт на прицел!
Давайте на части рубить змею,
Что в наше отечество заползла!
Вернёмте всех тех в родную семью,
Чьим мукам нет меры и нет числа!
Клянись, казахстанец, помочь в бою
Советской отчизны славным сынам,
И Сталин услышит клятву твою
Под знаменем чести, вручённым нам!
Будь верен присяге! Где стал, там стой!
Всегда мы такие, из рода в род.
Тебя поздравляет акын седой,
Он знает твой нрав, простой скотовод!

Апрель, 1943

На смерть сына

О сыны мои, о сыны!
Свирепые бури кому не страшны?
Тополь до корня качается в горе,
До самого дна волнуется море.
Седая скала лишь встречает в упор
Неистовой бури свирепый напор.

Крепок чресседельник, силён верблюд,
Не сломят его ни груз, ни труд,
Так старый Джамбул духом силён,
Под вестью тяжёлой не сломится он,
Что сын его милый, сын-герой
Отнят безвременно злой судьбой.

О сыны мои, о сыны!
Герои отвагою рождены,
Коль голову сложат, грома врага, —
Их память народу навек дорога.
А крепости вражьи сумеют взять —
Их славе в народе вечно сиять.

За родину смерть — продолжение жизни,
Пример молодым, как стоять за отчизну,

И клятву свою Алгадай оправдал.
Без страха за родину смерть он принял,
Он сыном народа отважного был,
Который извечно отважным слыл.

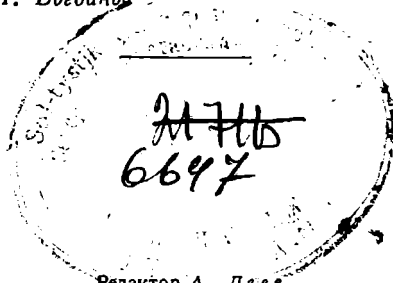
О сыны мои, о сыны!
Как бьётесь с врагом вы за счастье страны,
Так старый Джамбул, ваш отец, запоёт
И песнями к мести народ поведёт.

Содержание

<i>Сабит Муканов. Акын-патриот</i> ,	3
В час, когда зовёт Сталин,	7
Перевёл <i>П. Кузнецов</i>	
Песня о стальном наркومه.	9
Перевёл <i>М. Тарловский</i>	
Ленинградцы, дети мои!	10
Перевёл <i>М. Тарловский</i>	
Москве	15
Перевёл <i>М. Тарловский</i>	
Поэма любви и гнева.	20
Перевёл <i>П. Кузнецов</i>	
Советским гвардейцам.	24
Перевёл <i>М. Тарловский</i>	
Выстоит племя богатырей.	26
Перевёл <i>М. Тарловский</i>	
В новогодний торжественный час.	29
Перевёл <i>М. Тарловский</i>	
Советскому воину.	31
Перевёл <i>М. Тарловский</i>	
Ответ Джамбула	33
Перевёл <i>М. Тарловский</i>	
Городу Ленинских зорь	36
Перевёл <i>М. Тарловский</i>	
Дружба народов	39
Перевёл <i>М. Тарловский</i>	
Работницам наших полей	41
Перевёл <i>М. Тарловский</i>	

Ленинград победит.	44
Перевёл <i>М. Тарловский</i>	
Приказ родины.	46
Перевела <i>А. Адалис</i>	
Несокрушимая крепость.	50
Перевёл <i>М. Тарловский</i>	
Сказание о большевистской правде.	52
Перевёл <i>М. Тарловский.</i>	
Ответ сыну.	57
Перевёл <i>М. Тарловский</i>	
Героям Воронежа.	60
Перевёл <i>М. Тарловский</i>	
Новогодний привет.	62
Перевёл <i>М. Тарловский</i>	
Новогоднее письмо сталинградцам.	64
Перевела <i>Л. Руст.</i>	
Тебе, комсомолец Ленинграда	66
Перевёл <i>Д. Бродский</i>	
Богатырям, ломающим преграды	70
Перевёл <i>М. Тарловский</i>	
Светлый праздник наш недалёк.	75
Перевёл <i>М. Тарловский</i>	
Боевым страницам.	77
Перевёл <i>М. Тарловский.</i>	
Клятва под знаменем.	78
Перевёл <i>М. Тарловский</i>	
На смерть сына	81
Перевёл <i>П. Богданов</i>	

Редактор *А. Деев*

Подписано к печати 15/III 1944 г. А 2714. Тираж 10 000. 2¹/₂ печ. л.
3,17 уч.-авт. л. Заказ № 1577. Цена 3 р.

3-я типография «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфнига». Москва, Краснопролетарская, 16.